

ПРОЗА

Родион ФЕДЕНЕВ О ком тревожится душа	97
Лена КУТИНОВА Письмо от Луны к Солнцу	132
Норма МАНН Жил-был дед	148
Владимир ИЛЬИН Кораллы Карибского моря	153

Родион ФЕДЕНЕВ

О ком тревожится душа

Предлагаемая вниманию читателей театральная новелла имеет документальную основу. Ее составили сохранившиеся 42 письма Чехова к владелице одесского имения с вишневым садом Ольге Васильевой и ее 97 писем к Чехову.

1. Ницца

Мужчина в светлом костюме сидел на скамье перед фонтанчиком возле пансиона Рюс. Читал и был увлечен газетными новостями. А неподалеку появилась молоденькая девушка в скромном белом с кружевной оторочкой платье. Она медленно, словно собираясь с духом, направилась к мужчине, что был увлечен газетой.

— Здравствуйте, — сказала она.

Мужчина встал, поклонился, снял пенсне, а девушка заговорила быстро и с напором:

— Я знаю, вы — писатель Чехов. А я Оля. Ольга Васильева. Я вам писала... Но скажите сразу: что вы решили?.. Вы не возражаете, если я буду переводить ваши рассказы на английский?

— Я не возражаю, — ответил он с улыбкой.

— Конечно, у меня нет опыта, но я буду стараться получше их перевести.

— А с чего вы хотите начать?

— С рассказа "Егеря".

Он молчал. Она напряженно ждала, и в этом напряжении были вопросы: "Одобрят? Нет?!". Он сказал:

— Если вы решили начать с моего "Егеря", то, я думаю, у вас все получится.

— Почему?

— Это старый, но хороший рассказ. Но, к сожалению, это редко кто понимает.

— Господи, как это здорово, что я поняла!

Жестом он предложил ей сесть, сел и сам, но Ольга не могла усидеть на месте, вскакивала, пересаживалась, то говорила полупшепотом, то громко...

— Мы живем в Швейцарии всем семейством. Но мама больна, и мы приехали в Канны... Поближе к воздуху и морю.

Она взяла газету, развернула ее и спросила:

— А что вас заинтересовало здесь?

— Много пишут о деле Дрейфуса.

— Все о нем только и говорят.
— Совершенно верно. Говорят, но ничего не делают. Один Золя вступился за невинного.

— И, кажется, за это он получил год тюрьмы?

— Я всегда считал, что Франция — замечательная страна, — сказал Чехов. — Но раньше я думал, что французы народ огнеопасный. А они, оказывается, бывают, как и их совершенно никудышние спички: не годны ни свечу зажечь, ни камин растопить.

— Вы говорите по-французски?

— Я говорю на всех языках, кроме иностранных.

— А как это?

— Когда я, милостивая государыня, спрашиваю у француза, как переехать с Северного вокзала на Восточный, то француз бледнеет, будто я спросил его о чем-то не очень приличном.

Она улыбнулась и сказала:

— Мне в Каннах говорили, что вы страшно знамениты. Что Лев Толстой вас ценит. Что даже Пушкинскую премию получили. А впервые я прочитала ваши рассказы, когда мы еще жили в Одессе.

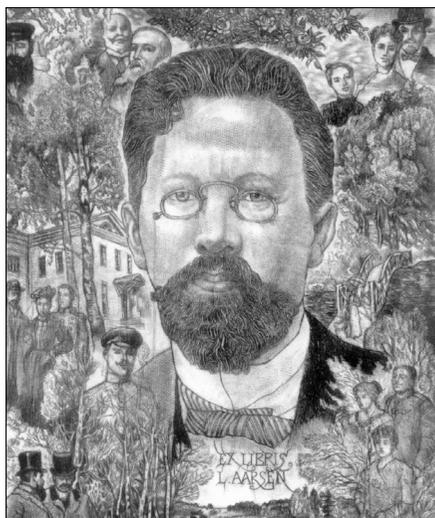
— Я бывал в Одессе.

— У нас там имение на Торговой улице, в ее конце, над морем. Не бывали там?

— Вряд ли. Я жил в Театральном переулке, в Северной гостинице. И потом, в другой приезд, когда возвращался после Сахалина, я жил у книгопродавца, милейшего Павла Петровича Меркульева, и тоже в Театральном переулке.

— Я знаю Театральный! Весной я с гувернанткой Гретой — теперь она наша экономка — весной мы всегда гуляли по Николаевскому бульвару, а возле Северной гостиницы брали извозчика и ехали по Театральному переулку... Наверняка я вас там видела. И значит, мы давно знакомы!

— О, это уж само собой разумеется! — ответил он в тон и продолжил: — Тогда, в Одессе, я истратил все деньги на мороженое. Помню бесконечные разговоры и прогулки на яхте.

Д. Беккер. "Вишневый сад". Офорт

— Да-да-да! — воскликнула она с жаром. — Из беседки нашего вишневого сада, где лесенка к Практической гавани, я всегда видела яхты! Смотрела и завидовала их пассажирам.

— Замечательное было время, — сказал он.

— Чудное! Но и сейчас время не совсем плохое.

— Еще бы. Февраль, но все одеты по-летнему. Розы цветут!

— Одно слово: Лазурный берег! Наш поезд из Канн сюда, в Ниццу, пришел в три, а вы писали, что вас легче всего застать утром до десяти или с четырех до шести пополудни. Мы тут с трех часов, и я просто не знала, куда себя деть.

Он осмотрелся, никого не увидел и сказал:

— А те, с кем вы приехали, видно, с успехом куда-то себя все-таки дели!

Ольга улыбалась и объясняла:

— Брат пошел в казино. Его жена Вероника, моя сестра Мари, ее вздыхатель Серж и наша экономка Грета составили брату компанию, чтобы он не проиграл в казино и деньги на обратную дорогу.

— Ваш брат игрок?

— Какое там! Скорее, он... не игрок, а вечный проигрыватель.

— Проигрыватель? — улыбнулся он. — Это замечательно сказано... — он что-то черкнул в записную книжку.

— Он всегда проигрывает, — сказала Ольга.

— Грустно, что он играет.

— Он проигрывает и домой всегда возвращается с кактусом в цветочном горшке. Мы уж привыкли: если он идет с кактусом, значит, проиграл.

— Милостивая государыня, да ваш брат, верно, уж небольшую рощу составил из этих кактусов.

— Лес! Целый лес!

— Посоветуйте брату играть по методу писателей.

— А как это?

— В воображении.

— И... можно выиграть?

— Сколько угодно. Вот недавно я выиграл целый мешок франков, и баронесса, что в этом пансионе сидит напротив меня за обедом, решила выдать за меня свою дочь.

— Вы шутите?

— Ничуть. У меня есть документальное подтверждение. Вот... — из записной книжки он достал листок. — Здесь зарисовано с натуры, как я еду в поезде из Монте-Карло с мешком денег.

— Но почему у вас в руке штопор?
— Должен же я хоть чем-то охранять свое богатство!..
— Понятно! Револьвера у вас нет, и в случае чего вы будете стрелять из штопора! Чудно! — она передала ему рисунок, встала со скамьи. — Но знаете... мне страшновато садиться за перевод вашего рассказа. Я накупила словарей, всяких справочников переводчика... Я русская, но здесь больше говорю по-французски и английски. Я усидчивая. Все говорят, что у меня есть характер. Но тут я привыкла к безделью, а это затягивает.

— О, да. Сужу по обитателям русского пансиона: буйное, непролазное безделье.

— А что вы хорошего подделываете здесь?

— Рассылаю подарки, каждый день пишу десяток открыток, отсылаю письма в журналы и издательства, обдумываю старые и новые вещи, пополняю свою коллекцию марок, утром работаю, пытаюсь писать, редактирую свое собрание сочинений, пересылаю книги... и греюсь на берегу на солнышке, блаженствую, чувствую себя французским бездельником...

В это время появилась процессия, которую возглавляли три дамы: сестра Ольги — Мари, экономка Грета и Вероника — жена Петра, брата Ольги. Далее понуро вышагивал и сам брат. В руке его был цветочный горшок с кактусом. Замыкал шествие вздыхатель Серж. На плече у него была тренога с фотоаппаратом.

— А вот и наши! — воскликнула Ольга, Чехов встал, а она стала представлять прибывших: — Моя сестра Мари... Наша экономка Грета... Мой брат Петр... разумеется... с кактусом! А это наша славная... Вероника, жена моего брата Петра. И... Серж... Сегодня он слишком тяжело вздыхает, потому что ему приходится нести мой малюсенький фотографический аппарат. А это... писатель Чехов.

Тот поклонился, а прибывшие рассаживались на скамье, соседней с той, на которую опустились Оля и Чехов. Скамьи стояли не напротив друг друга, а в ряд.

ПЕТР. Да-да, слышаны... В основном, конечно, от Ольги. Антон Павлович, кажется?.. А не скажете ли вы нам, господин писатель, отчего зависит удача человека? Удача и, разумеется, успех? Вот, к примеру, я. У меня все было блестяще! Блестяще закончил университет по естественному отделению, ни дня не служил, но с успехом управляю поместьями своей матери. И в плане коммерции я не последний человек и в Одессе, и в Женеве. Увлекался, правда, бильярдом, картишками. Но в меру. А вот последнее время чувствую: земля из-под ног уходит. Коммерция

не удается, доходы не те, да еще драгоценная наша мать Ольга Никифоровна так серьезно больна, что все эти европейские светила только руками разводят

ЧЕХОВ. Сколько ей лет?

ПЕТР. Семьдесят. Конечно, пожила, и хорошо пожила, дай Бог каждому. Но с ее болезнью будто и удача от меня отвернулась.

ВЕРОНИКА. Прости, но ты не совсем точен. Ты пристрастился ходить в казино, когда Ольга Никифоровна еще была здорова.

ПЕТР. Ах, господи боже мой, Вероника! Эти вечные уточнения!.. Тщательность и щепетильность. Но в начале я не так проигрывал. Была удача, была!

ГРЕТА. Когда есть удача, надо сидеть тихо, а не бегать с кактусами в руках!

ПЕТР. Нет, Грета. Это немец удачу к удаче копит. А русский веселится, входит в раж, закатывает в лузу по три шара одним ударом и Бог знает на что способен!

ГРЕТА. Вот удача от него и отворачивается.

ПЕТР. А вы как думаете, господин писатель?

ЧЕХОВ. Право, со всей определенностью я могу сказать только одно: отчего удача отворачивается от человека, я не знаю. И существует ли вообще универсальный ответ на этот вопрос? Вряд ли.

ПЕТР. Нда...

ВЕРОНИКА. Если ты хочешь понять, кто виноват в наших бедах и неудачах, то спроси лучше себя: что делать?

ПЕТР. Кто виноват... Что делать... Дворянские вопросы. Ну? И что же делать?

МАРИ. Я тебе скажу. Надо жить и не гневить Бога и судьбу.

ВЕРОНИКА. Но этого может оказаться мало. Надо ясно, со всей определенностью ответить на вопрос: зачем ты живешь?

ПЕТР. Зачем я живу? Да, господи, нет вопроса проще. Я живу, чтобы все было хорошо. Чтобы и удача была, и деньги, и чтоб люди хорошие попадались.

ВЕРОНИКА. Не слишком ли просто? Ведь простота хуже воровства.

ПЕТР. Ну, не знаю! Эдак мы Бог знает до чего договоримся!

ГРЕТА. Человек живет для счастья.

ВЕРОНИКА. Жить для счастья — это эгоизм.

ПЕТР (к Веронике). А для чего ты живешь? В чем смысл твоей тонкой и благородно организованной натуры?

ВЕРОНИКА. Я живу для моих детей.

ПЕТР. И что же? Это правильно?

СЕРЖ. У нас как в анекдоте. Встретятся двое французов — говорят о революции, а заканчивают женщинами. Встретятся двое немцев — говорят о порядке, а заканчивают войной. Встретятся двое русских, начинают с первой рюмки, а потом ищут смысл жизни.

ПЕТР. Нда, желтого в угол кладу чистым!.. А я вот и попивать стал. Когда целую мать на сон грядущий, то перед этим жую мускатный орех, чтоб по запаху не догадалась о моих теперешних распрекрасностях, дулет им в самую середину!

МАРИ. Зачем ты купил рулетку? Вы знаете, он купил рулетку и целыми днями бросает шарик.

ПЕТР. Хочу найти некую закономерность в этой подлой игре. Ищу свою систему. И найду!.. И вернусь из Монте-Карло не с кактусом, а с пальмой!

ЧЕХОВ. Приезжал тут... один журналист. Человек талантливый, громкий, веселый. И меня увлек своим намерением разбогатеть в Монте-Карло, выиграть миллион. Он тоже купил рулетку, тоже искал тайну непременного выигрыша.

ГРЕТА. И что же? Выиграл он свой миллион?

ЧЕХОВ. Проиграл все деньги, занял у меня на дорогу и уехал в Москву.

СЕРЖ. Считаю, что это ниже человеческого достоинства — испытывать судьбу с помощью какого-то шарика. Вручать свой успех беспристрастному с виду крупье — еще глупее. Уж если хочешь испытать судьбу, отправляйся во льды египетские и попробуй найти там какой-нибудь свой смысл или Северный полюс. Я говорю фигурально. Свой полюс можно искать и в двух деревеньках, которыми я владею и которые дают мне небольшой, но доход и возможности для приличной жизни.

ОЛЬГА. Bravo, Серж.

ПЕТР. А вот скажите, господин писатель, отчего женщины так влюбчивы именно в писателей? Особенно молоденькие девушки. Вы этого не замечали? Наверняка замечали! Какой-нибудь провинциальный делега напишет в газетку, тиснет свое произведеньице в журнале, и о нем уж говорят: писатель! Властитель дум! А молоденькие девушки так и вьются возле него, так и носятся, как ослепшие стрекозы.

ЧЕХОВ (*нахмурившись*). Женщин часто привлекает необычное.

ОЛЬГА. Фотографироваться!.. (*Она уже устанавливала треногу*

с фотоаппаратом.) Смотреть всем сюда. Улыбайтесь. Говорите чииз!.. Господин писатель не так сидит... Не надо сутулиться...

Она накрыла голову черным покрывалом, проверила резкость. Затем зажгла магний — вспышка осветила лица.

В это время послышалась музыка, а у стены пансиона появились в колпаках и цилиндрах бродячие музыканты. Они играли мелодию в миноре, и певец пел, закатывая глаза и заламывая руки.

ПЕТР (*громко*). Э, нет, господа музыканты! Нет!.. (*Музыка оборвалась.*) У нас и без вас на душе тоска и мерихлюндия!.. Давайте что-нибудь повеселее! Позанозистее!.. Пам-пам-пам!

Музыканты исполнили просьбу. И музыка была ритмична, певец с жаром исполнял куплеты из репертуара кафе-шантанов, и Петр пошел в пляс, Грета хлопала в ладоши, Петр увлек в танец Ольгу и вдруг лихо запрыгал возле нее вприсядку.

Музыканты аплодировали, когда танец кончился. Один из них пошел по кругу собирать дань в цилиндр. Все с удовольствием бросали в него деньги, а Петр опустил в цилиндр и цветочный горшок с кактусом:

— Это вам от души, от чистого сердца!

Музыкант поклонился, а Петр обратился к экономке:

— А что, Грета, покажи и ты нам какой-нибудь свой коронный фокус-покус!

— С преувеликим удовольствием, — сказала и сделала игривый реверанс Грета, и воскликнула: — А фот! — и в ее руках появились цыганские платки. — А фот платочки жаркие, платочки цветные... А фот я их связываю... Крепким узлом связываю... — она подошла к Чехову: — Попробуйка, золотой мой, крепок ли узел, не слаб ли?

— Крепок.

— А фот? Я всего лишь дуну-дуну на них... Гоп-ля! И никаких узлов... И все платочки целы. Все свободны. Все по отдельности... Фот они... Мои цыганские платочки!

Ей аплодировали.

— Господа, идемте к морю! — предложила Мари.

— К морю! — подхватила Ольга. — Конечно же, к морю!.. — она смотрела на господина писателя и сияла.

И все направились следом за Мари.

2. Канны

В гостиной дома в Каннах Петр и экономка Грета разговаривали при свечах. Грета сидела за столом и раскладывала пасьянс. А Петр в беспкойстве метался по комнате и восклицал:

— Да! Я теперь женат! Сын растет. Наследник. Дочь... Но зачем я женился? Чтобы упорядочить жизнь? Являть пример семейного существования? Увековечить себя в потомстве? Жену я не люблю. Тогда зачем все? Я ничего отныне не понимаю! Мне нужно было на тебе жениться.

— Что вы, Петр Родионович!

— Вспомни: когда ты появилась у нас в одесском имении, молоденькая, веселая девушка, Олина гувернантка... я, юнец, по тебе с ума сходил!

— Но я была старше вас на целых три года.

— При чем тут возраст!

— А мое положение? Я, девушка из бедной семьи, была принята в известный в Одессе дом. Гувернанткой. Я была на седьмом небе от счастья. А вы... глаз с меня не сводили. Но... ведь это обыкновенно: юноши влюбляются в молоденьких гувернанток.

— Нет, мне тогда нужно было дождаться совершеннолетия и начать жизнь с тобой, а не с моей смоленской дворянкой! Боже мой! Я сам, вот этими, собственными руками, все разрушил, Все уничтожил. Но оказывается, наши чувства не проходят просто так, распрекрасная моя Грета!

— Теперь ничего не вернуть, Петр Родионович. Я — экономка в господской семье. Хорошая, хоть не всеми уважаемая должность. Кстати, вот мой отчет за месяц, — она передала ему тонкую тетрадь, а Петр громким шепотом воскликнул:

— Вы все, все как сговорились быть со мной вежливыми и чужими! Я ей душу изливаю, а она мне... она мне отчет!

— Да разве это так? У меня за вас каждый день сердце болит. Вам бы не пить больше, Петр Родионович...

— Да... Квасу бы... Лазурный берег. А квасу нет.

— Я вам кофе сварю. Сейчас.

Грета вышла. Петр сидел за столом и разглядывал карточные ряды пасьянса. Переложил несколько карт, покачал головой:

— Не выйти этому пасьянсу!..

Вошла Вероника. Она куталась в шаль.

— Мерзнешь? — спросил Петр. — В Смоленске мороз — мерзнешь. В Волсте оттепель — мерзнешь. Тут, в Каннах, среднегодовая температура плюс пятнадцать, а ты все мерзнешь! Ты, верно, мерзнешь оттого, что я ря-

дом или где-то поблизости. А если я далеко, то ты мерзнешь при мысли: а вот он придет! А не завела ли ты себе в Каннах какого-нибудь француза? Или, на худой конец, итальянца? Они на титулы падкие. А ты у нас из графской семьи.

— До сих пор себе удивляюсь...

— Да? И что же ты нашла в себе такого удивительного? — прервал он ее.

— Удивляюсь: как я могла выйти за тебя замуж? Какое-то умопомрачение нашло, угар. Выстроила себе иллюзию и поверила в нее. А веры и самоуговоров хватило на три года. Расстаться? А дети? У меня средств нет, чтобы расстаться.

— И у меня пока нет. Но... рано или поздно я от матери наследство приму. Выделю тебе и детям. И расстанемся. Как мать сегодня?

— Сейчас поднимусь к ней.

Она ушла, а в комнату вернулась Грета с подносом, на котором был кофейный прибор. Петр взял чашку, обнял Грету, тихо сказал:

— Идем ко мне.

— Что вы... Не могу. Сейчас должны Марина с Олей вернуться.

— Ну... потом приходи! — он ушел.

Грета поставила поднос с кофе на стол, вышла в другую дверь и тут же раздался ее вскрик... Она вернулась вместе с Сержем и выговаривала ему:

— Что же вы... сидите в коридоре, впотьмах, я так испугалась! Отчего вместе с Мари и Олей не поехали на виллу к Игнатьевым?

— Устал быть сопровождающим. Устал быть свидетелем того, как за Мари увиваются отроки Милославские и Жеребцовы, а князь изрекает надменные пошлости. А как сегодня Ольга Никифоровна?

— Плохо.

— А что завешание?

— Диктовала неделю назад. Вызвала душеприказчика, нотариуса, адвоката. Петр Родионович по этому поводу беспокоится. Места себе не находит: почему все в тайне от него, от родного сына?

Серж прислушался. Подошел к окну.

— Кажется, приехали. Я пойду встречу.

Он вышел. Грета собрала карты со стола и прошла во внутренние покои дома. А в гостиной появились Мари и Ольга. Обе нарядно одеты. Мари в платье с турнюром. Ольга в атласном белом с кружевами. Мари устало говорила:

— Господи, давала себе зарок: не ходить в Каннах в гости. Но я давно уж пропустила срок, когда о девушке говорят: она на выданье. Приходит-

ся ходить в гости. Князь сегодня был в ударе. И Жеребцов мне понравился. Тихий, таинственный. Сейчас поднимемся к маме, а потом ужинать. Из гостей я всегда прихожу голодная, как волчица весной.

— Почему ты отправила Сержа домой?

— Я устала. Да и Серж давно у нас свой человек, чтобы обижаться. Ты вот что мне скажи... Я тебя последнее время редко вижу. И мы не открываем, как раньше. Как твой перевод на английский?

— Трудно. Оказывается, я не знаю таких простых слов, как подвода, картуз.

— Спросила бы у меня.

— Нет, я эти слова знаю. Но я писала господину писателю о своих якобы затруднениях. Он мне отвечал, разъяснял. И очень терпеливо. Такой человек... а вежлив, прост. Мы встречались. Оказывается, он не был в старой Ницце. Я повела его в эти узкие улочки с готикой и отсыревшими домами. Он вспомнил свой Таганрог, Сахалин. Говорил, что хотел бы отправиться в путешествие...

— Но ведь у него процесс в легких. Он приехал лечиться.

— Слава Богу, он и путешествует в воображении.

— В девяносто девяти случаях его болезнь неизлечима.

— А я уверена, что ему и выпадет этот один-единственный счастливый случай.

— Дай-то Бог.

— Теперь он здоров и уехал. В Париж, а потом в Москву.

В гостиную вошел Петр и сразу же обратился к Ольге:

— Оленька, я посмотрел отчет Греты за прошлый месяц и удивился твоим странным почтовым расходам.

— Что же тебя удивило?

— Ты вдруг стала пересылать книги в библиотеку какого-то неведомого никому Таганрога. Ну это еще ладно. Но ты отправила двести книг в Одессу, в Театральный переулок, какому-то Меркульеву... И оплатила пересылку этих книг на Сахалин! У тебя какое-то интересное знакомство есть и на Сахалине?

— Просто я узнала, что там на каторге совсем нет книг.

— На каторге?.. То-то я смотрю: почему это в Монте-Карло петербургские тайные агенты стали посматривать на меня с таким интересом! Ну а что это за обмен телеграммами с нашим русским посольством в Париже? В результате пришел громадный счет, который ты оплатила.

— Господину писателю, с которым я тебя познакомила в Ницце,

для работы срочно понадобился стихотворный текст Некрасова. Он просил меня помочь. Но где во Франции найдешь Некрасова? Я обошла всех знакомых — ни у кого нет. Тогда я дала телеграмму в наше посольство с просьбой помочь. Они дали телеграмму в Москву, в Румянцевскую библиотеку, и оттуда телеграфом выслали нужный текст в посольство, а они мне.

— А ты все это оплатила.

— Да.

— Ты не подумай ничего дурного, но ведь денег, которые я тебе выдаю на карманные расходы, совершенно недостаточно, чтобы пересылать на Сахалин книги или загружать телеграф стихами!

— Деньги мне дала мама. Я рассказала ей о Сахалине, а потом о господине писателе, и она дала мне деньги.

— Да? Распрекрасно. Ты не подумай ничего лишнего, ради Бога, но ты истратила пару сотен золотых... А вот когда тебе потребуются тысячи, когда ты начнешь разорять нас, то прошу покорно, ты уж предупреди меня!

Мари немедленно вступилась за сестру:

— Как ты можешь такое говорить, Петр?! Оле понадобились деньги на добрые дела. А ты каждую неделю проигрываешь тысячи в казино!

— Я играю на свои! А она играет в доброту на чужие деньги!

— Если так, то я заработаю. И отдам, — заявила Ольга, но Мари потребовала от Петра:

— Ты должен извиниться перед ней. Иначе я подробно переговорю обо всем с мамой.

В это время в комнату из внутренних покоев вбежала Грета и, запинаясь, сообщила:

— Ольге Никифоровне... плохо... Я послала за доктором... но... боюсь, что поздно...

Ольга и Мари поспешно ушли во внутренние покои дома, а Петр спросил:

— Что значит: поздно?

— Дыхания нет. Пульса как мы с Вероникой ни искали, не нашли...

Петр тяжело опустился на стул. А Грета тихо говорила:

— Я... скажу вам о завещании, Петр Родионович. Теперь можно. Я из своей комнаты слыхала, как она его диктовала. Основная наследница — дочь. Но не Мари. А падчерица. Ольга Родионовна. Ей почти все.

Петр помолчал и спросил:

— Значит, неродной дочери почти все. А что же мне?

— Только смоленское имение.

В комнату вошла Ольга и молча остановилась у кресла.
— Что? — спросил Петр.
Ольга не отвечала.
Вошла Мари. Ничего не говоря, она передала черный платок сестре, и та покрыла им голову. Мари покрыла и свою голову вторым черным платком.
Петр подошел к ним, обнял.

3. Мелихово

Под перезвоны дверного деревенского колокольца Ольга шла за сестрой Чехова Марией Павловной и объясняла:

— Я и вам писала, Мария Павловна, и Антону Павловичу, но, видно, что-то с почтой... Я писала, что приеду в Мелихово. Вы ведь свободны в субботу от гимназии и приезжаете сюда. Мне хотелось и с вами повидаться, и с Антоном Павловичем...

Оля была в дорожном платье, несла в руке небольшой саквояж и осматривалась в гостиной, где мать господина писателя Евгения Яковлевна перекладывала из узелка в лукошко куриные яйца. Мария Павловна сказала, и довольно сухо, Ольге:

— Антона Павловича нет. Уехал к больному.

— А что, разве он практикует? — спросила Ольга.

— Нет, — ответила как отрезала Мария Павловна и обратилась к матери: — Мама, это Ольга Родионовна Васильева, знакомая Антона по Ницце, — она повернулась к Ольге: — Маму нашу зовут Евгения Яковлевна.

Евгения Яковлевна всплеснула руками над лукошком:

— Ах, я, кажется, со счета сбилась. Восемнадцать или девятнадцать?..

— Я пересчитаю, — успокоила ее дочь, а Евгения Яковлевна подошла к Ольге, с большим интересом ее рассматривала и говорила:

— Антоша не практикует, не лечит, как прежде, всю волость. Не до того. Сам хворый. Мы строго крестьян предупредили насчет этого: к доктору больше не приходите. Сам заболел. А они все идут и идут. Мы и Антоше наотрез сказали: забудь о своей медицине! И садом не занимайся. Отдыхай, лечись. Может, он вас послушает? Вы уж ему скажите. А то, не ровен час, опять у него кровь пойдет.

— Кровь?

— Он и докторам не хочет показываться. Вот и в вашу Ниццу в прошлом году попал. Там-то подлечился, а тут опять все по-старому пошло. А вы кто же, милая моя, будете, откуда, кто родители ваши?

— Родители мои... Давно умерли...
— Детка несчастная...
— Но меня удочерила моя названная мать, царство ей небесное, удочерила и вырастила, и многое из того, что ей принадлежало, она завещала мне.
— Какая ты счастливая! И хорошо, что приехала не спросясь. Ведь Антоша-то... он гостей любит, да приезжают всякие и едят, и едят, и ночуют, и ночуют.

— Девятнадцать, — сказала Мария Павловна.

— От хорошо. Девятнадцать-то всегда лучше, чем восемнадцать.

Мария Павловна ушла с лукошком во внутренние покои дома.

— Ты ее не бойся, — понизив голос, сказала Евгения Яковлевна. — Она живет ради Антоши. И за Левитана — художника — замуж не пошла, и за другого хорошего человека — он предложение делал — выйти отказалась, потому что она для брата только и живет. Она строгая. Но даст Бог — найдется и ей суженый. Ты-то не замужем, дитынько?

— Нет, что вы, но знаете, я вас именно такой себе и представляла. Да я вам гостинец привезла... — из небольшого саквояжа она достала сверток. — Тульские пряники.

— Да это праздник у нас сегодня с пряниками... — она развернула сверток. — В твоей Ницце, поди, таких пряников нет.

— Нет, конечно.

— Не умеют. А вот лечат хорошо.

— А я перевела рассказ А. П. и опубликовала его в Англии!

— А. П.?

— Так я Антона Павловича называю. Он мне прислал новые рассказы. Перевожу "О любви", "Крыжовник". Он мне написал, благодарил, но стал почему-то называть "Ваше высокоблагородие"...

— Это он шутит. И я, когда мне кто-то нравится, всегда шучу. Он весь в меня.

— А я хочу попросить у вас помощи, потому что я решила выпустить литературный сборник в помощь бедствующим в Самарской губернии. В нем будут участвовать и Толстой, и Бальмонт, и академик Куликовский, но А. П. не хочет. Тогда я решила посвятить этот сборник ему, но он не разрешает.

— А вот я поговорю с этим А. П. по-своему. Правда, он неважно себя чувствует. Из Ниццы приехал здоровым, помолодевшим. Просто не узнать. А теперь все снова. Да еще в Крым, в Ялту нас уговаривает переехать. Маша, Мария Павловна, ездила в Ялту смотреть участок. По ее

рассказам я поняла, что мне одной там будет хорошо — кладбище за забором. Помру — и никаких хлопот — все под рукой!

— Я была в Ялте! С Антоном Павловичем мы, к несчастью, разминулись, не встретились... Но я была на участке под дачу. Просторы там чудесные, горы, море бирюзовое внизу. Может быть, и я там дачу себе построю. И ведь как дешево!

— Конечно, если оно так, если просторы да еще такая барышня-соседка в гости приходите будет...

В это время вошла Мария Павловна и сказала:

— Антон приехал.

— Вот и хорошо, — сказала Евгения Яковлевна. — Пойду-ка я, скажу Арсентию, чтоб самовар ставил. Будем чай пить с тульскими пряниками из Ниццы...

Она ушла, а Мария Павловна спросила Ольгу:

— Вы приехали с расчетом, чтобы побыть у нас несколько дней?

— Нет, что вы. Я сегодня же уеду.

— Поезда вечером нет.

— У меня свой экипаж. Вы не волнуйтесь, Мария Павловна. Я знаю, что Антон Павловичу нужно отдыхать.. Но... как же вы его отпускаете, к больным, чтобы он лечил... Ведь такие поездки для него, по-видимому, трудны.

Мария Павловна внимательно и долго смотрела на Ольгу, а потом, ни слова не говоря, ушла.

Оля была в растерянности, прошла в красный угол и перекрестилась перед иконой.

Чехов вошел, снимая плащ, и остановился, увидев Ольгу.

— Здравствуйте, милостивая государыня, — весело сказал он. — Видел во дворе ваш экипаж, расспросил форейтора, так что знаю: вы где-то поблизости, и не только поблизости, а даже в моем доме. Чудно! — как вы говорите. Чрезвычайно рад вас лицезреть.

— И я. Вас.

Он нарочито внимательно осмотрел ее и сказал:

— А вы весьма изменились. И не в дурную сторону. Юная мадемуазель уступила место настоящей леди, но я все-таки хотел бы, чтобы леди кое в чем сразу признались! Вам ведь, несомненно, известно, что мы тут и в Мелихово устраиваем школу. И две недели назад мы получили денежный перевод от неизвестного лица на пятьсот рублей. Признавайтесь: неизвестное лицо — это вы?

— Нет-нет. Я впервые об этом слышу.

— Ну... как хотите.

— Я знаю, что в театре была читка ваших "Трех сестер".

— Если вы это знаете, то знаете и все остальное.

— Говорят, что во время обсуждения вы незаметно ушли из театра.

— Беру пример с ваших любимых англичан и учусь уходить по-английски. Но у меня плохо получается: судя по всему, мой незаметный уход из театра замечен всей Москвой.

— Потому что многие, как и я, смотрели вашу "Чайку" в Москве бесконечное число раз.

— "Чайка" мне, вроде бы, удалась. А вот с "Тремя сестрами" дело швах.

— Если вы шутите, то все замечательно. Но все-таки: почему вы ушли во время обсуждения пьесы? Вы заведомо не любите чужих мнений? Вас возмутило то, что говорили актеры?

— Говорили, что это вообще не пьеса, что ролей нет. Я писал веселую вещь, а на читке были слезы. Мое недоумение, видно, было столь велико, что я ушел.

— Они ничего не поняли в вашей пьесе!

— Как я недавно писал Комиссаржевской в Петербург — она хотела играть "Три сестры" в свой бенефис, — эта пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная... Я прочитал ее недавно другими глазами и убедился в этом.

— И принялись переделывать?

— Потихонечку.

— Не переделывайте, прошу вас! — воскликнула Ольга. — Все они, кто был на читке, должны на колени перед вами встать!

— Что вы, что вы, Ольга Родионовна! Вы так добры ко мне... Вы не были на читке, а там высказывали и дельные замечания.

— Забудьте, забудьте о них!.. — она процитировала из "Трех сестер": — "Музыка играет так весело, так радостно и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать..." В пьесе такая музыка этого вопроса, такая горечь. В ней много ответов на то, о чем мы говорили в Ницце.

— Вы знаете пьесу?

— Мне придется сознаться в преступлении. Я подкупила переписчика, и он сделал один экземпляр для меня.

— Но это просто невозможно слышать, милостивая Ольга Родионовна! — сказал он с улыбкой. — Дайте мне слово, что больше не будете так поступать. Впрочем, я уверен, что вы не станете больше идти на преступ-

ления, потому что в следующий раз я непременно буду сам посылать вам один экземпляр того, что напишу. Но пьесу я все-таки переделываю и стараюсь не портить. Вы правы: музыка, то есть пьеса, может быть веселой и радостной, но горечь из-за отсутствия ответа на вечный вопрос обязана звучать. Вы так добры ко мне, милостивая государыня, что я тоже хотел бы сделать для вас что-нибудь хорошее.

— Если я попрошу, вы сделаете?

— Все, что в моих силах.

— Не живите зимой здесь. Да и в Ялте. Там сыро, ветер, дожди. Поезжайте на зиму в Ниццу. Я там сняла дом. Но обещаю: докучать вам не буду. Когда позовете — буду приходить.

— А вы знаете, действительно, почему бы не уехать? И именно в Ниццу. Весна — мое время года. А там всегда весна. А потом... Путешествовать! Охота к перемене мест меня преследует всю жизнь. Начать с Италии и обязательно добраться до Неаполя. Но поступить вопреки пословице: "Увидеть Неаполь и умереть!". Куда как лучше: увидеть и жить.

— Значит, решено?

— Решено.

В гостиную заглянула Мария Павловна:

— Мама приглашает всех к самовару.

— Нет-нет-нет, — поспешно ответила Ольга. — Я с большим удовольствием, но... теперь у меня дела в Москве. И столько всего сразу... нужно успеть.

В дверях появилась Евгения Яковлевна:

— Какие могут быть дела на ночь глядя? Разве это по-соседски? Без чая я тебя не отпущу, соседка, — затем она объяснила сыну и дочери: — Ольга Родионовна обещала жить с нашим кладбищем в Ялте по соседству.

— Спасибо, спасибо вам... — говорила Ольга у дверей. — Но у меня еще в Алексине небольшое дело. Обязательно надо быть. И не провожайте...

Она быстро вышла. Оставшиеся в гостиной переглянулись, и А. П. все-таки пошел проводить гостью.

5. Ницца

Ольга, Мари и Грета пришли сюда, к скамейкам и фонтанчику возле пансиона Рюс. Здесь золотились цветы в распахнутых окнах, была слышна музыка знакомого оркестрика бродячих музыкантов. Грета осмотрелась по сторонам и спросила:

— Так где же твой господин писатель?

— Уехал. И получилось все так нескладно!

Они сели на скамью, и Ольга продолжила:

— Здесь, в Ницце, мы изредка виделись, писали друг другу о пустяках. Он был здоров. А потом загрустил, говорил, что с его никчемным здоровьем все потеряло хоть какой-нибудь смысл, все не так и во многом кончено.

— К сожалению, великому сожалению, он, видно, не ошибается в отношении себя, — сказала Мари.

— Нет-нет. У него бывают такие минуты... Но потом он собирался с приятелем в Алжир. Вместо лечения — Алжир! Я с ума сходила, но что я могу? Уговаривать, объяснять?

— Надо было потребовать! — сказала Грета и, вздохнув, продолжала: — Жаль, что я никогда никого не любила. Влюбленности были, но это все не то. Если бы я оказалась на твоём месте... да небу стало бы жарко!.. Не даром во мне есть и капля цыганской крови!

Мари встала со скамьи, подошла к фонтанчику, набрала воды в ладонь, выпила и весело сказала:

— А мне-то что делать?! Ну, допустим, мне нравится Борис Храповицкий. Джентльмен. Милый. Богатый. Но как я могу за него выйти замуж?

— Способов много, — сказала Грета. — Я советую воспользоваться самым древним.

— Это каким же?

— Сочетать предельное внимание с полным безразличием. То есть так сбить его с толку, чтобы он и спал с вытаращенными глазами.

Мари села на скамью и сказала:

— Но ты же знаешь мою фамилию.

— Жеребцова. И что же?

— А что по Москве будут говорить? Будут говорить: Жеребцова вышла замуж за Храповицкого! Жеребцова за Храповицкого!.. — она и сама рассмеялась. — Ведь это ужас!

Грета спокойно возразила:

— На Москве всегда так: поговорят-поговорят — и завидовать станут.

Мари обняла Ольгу:

— Девочка моя дорогая, ты на нас не обращай внимание. Это мы тебе завидуем. Ну? Что?.. Уехал твой А. П. в Алжир?

— Нет, слава Богу, — ответила Ольга. — Не уехал. Задул мистраль, и он поездку в Алжир отменил. Я пошла в здешнюю православную церковь, купила тридцать семь свечек, по числу его лет, заказала молебен и объа-

вила ему, что переведу все его пьесы, и взялась за "Дядю Ваню". Какая грустная, как и он сам, пьеса! Он уехал дилижансом в Италию, а я знала, что он приедет в Неаполь и, конечно же, помчалась туда на всех парусах морем. Да! Вы должны знать... У нас с ним теперь есть дочь.

— Вот это правильно! — воскликнула Грета. — С этим — нечего тянуть!

— Когда он пишет мне, то всегда нашей дочери Марусе не только кланяется, но и велит слушаться меня, одним словом, всячески воспитывает и дает мне советы.

— А дочь на кого больше похожа? — спросила Грета.

— Вся в него. Смешливая и грустная.

Мари была поражена услышанным и спросила:

— Постой, но как же... дочь?! Когда?..

— Что за вопрос? — пожала плечами Грета. — Если по любви, то детей не удержишь. Сами выпрыгивают на свет Божий.

— Успокойтесь, — сказала Ольга. — Я девочку на воспитание взяла. И А. П. называет ее своей дочерью.

— Понимаю, — кивнула Грета. — Ты сделала обходной маневр.

— Я ждала А. П. в Неаполе, — говорила о своем Ольга. — В гостинице с жутким названием "Везувий". Он думал в ней остановиться. Но он все не ехал и не ехал! И тут я узнала, что в Риме, где он был, выпал снег и адски холодно! Это при его-то легких! Я написала ему в Рим. Ведь у него не было теплых вещей с собой! Вот уж поистине небеса восстали против нашей встречи в Неаполе. Но моя тревога за него вдруг прошла, слезы высохли, потому что я подумала: если мы не встретились в Неаполе, можно повидаться в Одессе. Я написала ему, что хочу продать свое имение с вишневым садом в Одессе. И А. П. мне сразу же ответил! Из Рима пароходом он отправился в Одессу. Но пока шло письмо ко мне, он уж оказался в Ялте. Оттуда А. П. написал мне, что в Одессе он поговорил с редактором "Одесских новостей" о продаже имения, встречался с маклером и поручил ему все разузнать, но так, чтобы не тревожить нашего старого дворецкого... Он советует не спешить с продажей! Подождать год-другой. И это просто замечательно!

— Ждать? — пожала плечами Грета. — Я всю жизнь жду чего-то и совсем не нахожу это замечательным!

— Но у нас с ним теперь еще одно общее дело... Жалею, что однажды я ему написала, как полоумная сектантка: "Если уж возводить культ, так до конца... Благословите меня на служение Вам". Ужас. Это я сейчас понимаю! А тогда... ему только и оставалось, что бежать от меня или смеяться. Он

уступил права на свои сочинения всего за восемьдесят тысяч! Моя усадьба с вишневым садом в Одессе стоит триста! Да если бы я чуть раньше получила наследство, я сама бы занялась изданием всех его произведений!

— Ты что же, хочешь стать для А. П. тем, кем была баронесса фон Мекк для Чайковского?

— Не знаю. Ничего не знаю.

— Оля-Оля-Оля. Ты действительно не в себе.

— Просто я хочу большего, чем все! Но как это сделать? Как повернуть стрелки, чтобы магнит обратил только на тебя свое внимание?

— Оля! Если ты так полюбила своего А. П., то...

— Что?

— Ты пропала.

— Ну, тогда... Да здравствует мое пропадание!

В это время появились бродячие музыканты, а исполняли они веселую ритмичную мелодию. Но Ольга почти ничего не слышала и говорила о своем:

— Я мечтаю, как я с господином писателем встречусь в нашем старом вишневом саду... И обязательно после апрельского дождя. И когда мы с ним войдем в мой сад, и будем говорить, говорить... то в саду бело-розовые ангелы, а вовсе не цветы, будут стряхивать на нас дождевые капли...

6. Одесса

Вот и сошла пелена тумана, и маячившие в воображении, будто за тюлевым занавесом, старые, но все еще крепкие и цветущие деревья вишневого сада возникли над обрывом к морю неотвратимой реальностью. Вероника, жена Петра, была в нежно-сиреневом платье. Она прошла по саду, заглянула в беседку и скрылась в ней. Затем явились в белых чесучовых костюмах мужчины с ивовыми тросточками, а за ними возникли в светлых платьях дамы, в шляпках, из-под которых цвели их взоры. Все они перемещались, вышагивали, даже странствовали меж темных стволов и праздничных купин деревьев. Только один старый дворецкий, а теперь управляющий имением, Василий Лукашов то маячил при ограде, то присаживался на высокий и, в общем-то, неловкий для сиденья серебристый табурет и говорил, говорил, теребя застежки на своей древней шитой золотом ливрее:

— Возле наливного колодца земля просела... а потом и в самом колодце трещины пошли, кладка осыпалась... Я завел бочки, и поливали огород и сад напрямиком из них... В первую голову бабушкину вишню спасал. Ду-

маю, покойница мной, недотепой, довольна. И с того света может явиться на свой балкон посреди лета и полакомиться вишней прямо с веток, как она любила.

В мужчинах и дамах, фланирующих по саду, можно было узнать вздыхателя Сержа, Петра — брата Ольги, ее сестру Мари, экономку Грету и саму Ольгу Родионовну.

ОЛЬГА (она была возле увитой плющом беседки). Для меня не было места загадочнее и таинственнее, чем наша беседка. А гусеницы, а жуки, а бабочки... Это был целый мир.

На один из расставленных в саду шезлонгов первым уселся Петр. Уселся и занялся раскуриванием сигары.

ПЕТР. Драгоценная Грета... А почему бы тебе не показать нам, как когда-то в нашей распрекрасной юности, свою какую-нибудь замечательную иллюзию?

ГРЕТА. Что вы, Петр Родионович. Осмотритесь: иллюзия перед вами!..

ПЕТР. Да где же иллюзия?

ГРЕТА. А этот сад? Мой отец, в котором текла цыганская, еврейская и немецкая кровь, говаривал: "Иллюзия без реальности — это вишня без косточек. Сладко, а горчинки не хватает".

ПЕТР. Да он не фокусник был, а прямо тебе философ!

ГРЕТА. Поэтому и меня отдал сюда, в гувернантки, хотя я уж многие его фокусы научилась показывать. Он говорил: "Цирк — это грусть в чистом виде. Не хочу, чтобы моя дочь всю жизнь грустила".

ПЕТР. И что же? Ты здесь, у нас, все время веселилась? Нет. Твой папаша был неправ. Жизнь вообще грустная штука. Мари! А ведь наша с тобой юность прошла в этом саду! Мать удочерила Ольгу, когда ей было от горшка два вершка, а мы с тобой по теперешним меркам уж взрослыми были. Помню сохнувших по тебе гимназистов, а потом влюбленных студентов, помню всех наперечет.

МАРИ. А ты у нас был однолюбом.

ПЕТР. Да. К несчастью. (Он с нежностью смотрел на Грету и продолжал.) Как Грету распрекрасную увидел, так и пропал. Но почему пропал? Рядом с ней я... восторженно жил! Несчастье потом случилось, когда мать настояла, чтобы я женился на моей теперешней дворяночке.

ОЛЬГА. Так говорить — нехорошо.

ПЕТР. Про меня и Грету все всё знают.

В это время жена Петра Вероника вышла из беседки. Возникла неловкая пауза.

ВЕРОНИКА. Мой муж говорит все это не только при своей любви к Грете, но и при мне... своей законной жене.

Вероника выглядела подавленной и лишний здесь.

ПЕТР. Ну вот. Явление святой в цветущем саду!

ВЕРОНИКА. Тут такой воздух... запах моря перемешивается с цветочным... Мне тяжело дышать. И в беседке я будто уснула, и во сне так отчетливо слышала ваши голоса. Неприятный был сон!.. Вся моя жизнь — сон.

ПЕТР. Вероника... я заранее прошу у тебя за все прощения!

ВЕРОНИКА. Как там, у Шекспира, по этому поводу?.. Прощенье просит тот, кто ненавистью вскормлен... Забыла. Я про настоящую свою жизнь забыла. Мне бы уехать. Но... куда, к кому? Своих средств у меня нет, чтобы уехать...

ПЕТР. Послезавтра мы уезжаем.

ВЕРОНИКА. Как скажете, Петр Родионович. Как скажете.

Она медленно пошла из сада, а Ольга обняла ее. Они ушли.

ПЕТР. Ах ты, господи!.. Ольга всегда меня будто толкает к прямоте! Вот я и высказался.

МАРИ. При чем тут Оля?

ПЕТР. Да при том, что тут у нас образовался несуразный социальный симбиоз!! И бабка Ирина, и мамочка были из купцов. Оля вообще неизвестно каких кровей. А меня женили на дворянке. Да и тебя, Мари, окружили женихами из этих гнезд. Вот мы и мучаемся.

МАРИ. Я не мучаюсь.

ПЕТР. Конечно! Тебе нравится кружить головы, а вот выйдешь за какого-нибудь графа Храповицкого, тогда что-нибудь и поймешь.

СЕРЖ. Как? За графа?.. Мари, разве это решено?

МАРИ. Совершенно ничего не решено! Успокойтесь, Серж. (Она поцеловала его в голову.) Я вас люблю, и всегда буду любить.

ПЕТР. А я что могу поделать, если Вероника о Поль де Коке рассуждает и все время берет в свои защитники Шекспира, а я, несмотря на всю свою образованность, больше думаю о лошадях и овсе.

МАРИ. Нехорошо все получилось, Петр. Она все слышала из твоих уст. И о тебе, и о Грете.

ПЕТР. Да чего уж там! Она все знает. Да все всё знают! А Ольга... Хотя я ее и люблю, но при ней у меня все идет как-то наперекосяк. Недаром мать-покойница называла ее: наш судия!

ЛУКАШОВ. А помню: сидела эта судия у меня на закорках...

ПЕТР. Судия? А судьи да прокуроры всегда у кого-нибудь на закорках сидят!

ЛУКАШОВ. Нет, это я вспомнил, как мы спускались по Ирининой лесенке к морю. Оленька у меня на закорках была, вы, Петр Родионыч, впереди вприпрыжку бежали, за вами Мари прыгала, за мной Грета ползла по камням... А взрослых господ, царство им поднебесное, в наши купальни кучер, турок, вез в коляске по Военному спуску, в объезд. А вы уж все в воде, все мокрые! И звали мамочку побыстрее купаться.

Вернулась Ольга. Она молча села в шезлонг.

ПЕТР. Эх, положил бы я сейчас чистый шар в середину! Но давайте о деле. Вот что не укладывается у меня в голове: разве можно все это продавать? У кого рука поднимется продать лестницу к морю, наши веселье купанья?.. Мари! Разве можно продать святую бабушкину вишню у ее балкона?

МАРИ (*и она села в шезлонг*). Жалко.

ОЛЬГА. Вы видели этот балкон? На него теперь и ступить страшно. А вишня наполовину из сухих веток.

МАРИ. Но их можно удалить. Вовремя обрезать, ухаживать. Удобрять.

ОЛЬГА. Это говорить легко. Но какими длинными ножницами ты из Женева собираешься в этом саду обрезать ветки? А расходы? Пусть Грета скажет, во сколько мне обходится это имение.

ГРЕТА. Хозяйство убыточное. (*И она села в шезлонг.*) Раньше жильцы были, а теперь их и варениками с вишнями не заманишь. Каждый год убыток в тысячу рублей.

ПЕТР. Я вывернулся бы наизнанку, а деньги нашел бы. Ну, хоть на первое время. Но только чтоб не продавать. Как можно продать твою заветную беседку, сказочную вишню?

Ольга встала и отошла к ограде.

СЕРЖ. А ведь тут, как я вижу, на века строили. (*Он уселся в шезлонг.*) Дорические колонны. Самый внушающий стиль. Неподалеку отсюда дворец князя Воронцова. Там ведь тоже основательные постройки дорического ордена. И конюшни такие же. И сад.

ЛУКАШОВ (*дворецкий, будто нахохлившись, сидел на высоком табурете*). Старая госпожа Ирина Владимировна, дай ей Господь радости и на том свете, хотела и тут, как у князя, львов у въездных ворот поставить. И колоннаду устроить не хуже княжеской. Но не успела. Призвал ее Господь в свои райские чертоги с тамошними львами и колоннадами.

Теперь все сидели в шезлонгах, и только Ольга все еще переходила от дивана к дереву.

ОЛЬГА. Конечно, и у меня сердце разрывается. Но что делать, если тут все в убыток. И потом, по справке одесской Думы тут все строения ветхи и никуда не годны. Каждый год сад уничтожает оползень. А четыреста саженей сада вообще принадлежат городу.

ПЕТР. Мать платила за все имение с тысяча восемьсот пятьдесят девятого года. Сорок два года платила! Так что это не вопрос. Четыреста сажен отвоюем за давностью владения. У нас здесь всей площади две тысячи четыреста тридцать девять сажен! Хоть ипподром устраивай. А если поставит два-три доходных дома?

ГРЕТА. А с каких средств?

ПЕТР. Сообща найдем! Или коттеджи для дачников выстроить? Ведь это же прекрасные доходы!

ОЛЬГА. А как же моя заветная беседка, бабушкина вишня?.. Все сломать, вырубить?

ПЕТР. Ну, не знаю. Да я просто не понимаю, чего ты хочешь! (*Он повысил голос и встал.*) Что? Прикажешь ждать, когда все наше детство и юность рухнут в этот проклятый обрыв к морю?! Да это же шар не в лузу, а через борт на пол! А не лучше ли, пока не поздно, укрепить берег, потом понастроить доходных дома? Конечно, все наши плантации и сад придется похерить. Но дивную вишню и твою беседку можно оставить... в качестве раритетов.

МАРИ (*она тоже встала и отошла к ограде сада*). Я думаю, что Петр говорит дело. Конечно, Оля, тут все принадлежит тебе. Но ты вызвала нас на совет. И правильно сделала. Мы все-таки гораздо старше тебя. И мы ценим, что ты советуешься с нами.

СЕРЖ. Да! (*Он встал с шезлонга и поцеловал ей руку.*) Но тут, милая, самая моя милая Мари, тут налицо дилемма. Имение разрушается, а посему: надо или продавать его как можно быстрее, пока его не проглотило время и оползень, или срочно холить и лелеять, реставрировать и ухаживать.

ЛУКАШОВ. Эх, знали бы старые господа, о чем мы тут гуторим! (*Он подошел к ограде.*) Одного в толк взять не могу: куда вы меня, недотепу, если продадите имение, денете? Нет! Уж вы меня тут замуруйте!.. В этом будет моя последняя просьба.

ГРЕТА. Оставьте вы это, Василий Лукич! (*Она поднялась и прошла к беседке.*) Вот, к примеру, если бы я купила вишневый сад, я бы вас тут выращивала, как живой памятник саду..

В странном этом броуновском движении в вишневом саду теперь можно было отметить, что все стояли, и только Ольга была в шезлонге.

ОЛЬГА. Милый мой Василий Лукич... Да, конечно же я о вас подумала в первую очередь. Если после продажи вы не захотите жить здесь, я сниму вам квартиру, назначу пенсию. А имение я думаю продавать с условиями. Во-первых, чтобы вишневый сад был сохранен. А во-вторых, чтобы все тут оставалось по-прежнему.

ПЕТР. Это наивно. Если человек покупает, да еще за такие деньги, он рассчитывает быть хозяином... властелином! Покупателя со своими условиями ты не найдешь. А если и найдешь, то это будет такой прохиндей, что вмиг перепродаст имение без всяких условий.

ОЛЬГА. Если мои условия не будут соблюдены, контракт будет разорван.

ПЕТР. Да все эти твои условия можно обойти за одну взятку судейскому чиновнику! Продашь — и тут понастроят дач, коттеджей! Будут грести деньги лопатами, а ты будешь кусать локти. И каков будет результат? Ну... получишь ты своих триста тысяч. Куда ты их употребишь? Зачем они тебе?

ОЛЬГА. Я хочу построить больницу. Хорошую, может быть, самую лучшую.

ПЕТР. Где?

ОЛЬГА. Здесь, в Одессе, или в Крыму, или хоть у тебя в Смоленской.

ПЕТР. Да? Ну, во-первых, деньги твои в нашей воровской губернии враз разворуют. А во-вторых, я этого никогда не допущу!

ОЛЬГА. Так это замечательно, Петр! Если ты возьмешься, то с твоим опытом мы построим больницу!

ПЕТР. Да нет, Оленька! Нет. *(Он встал за ее спиной и обнял.)* Мне придется поступить иначе. Мне придется опротестовать завещание моей родной матери в суде. Это будет иск о том, что мама была не в себе, когда завещала одесское имение с вишневым садом и другие владения падчерице, неродной дочери и, по сути, ребенку. И уверяю тебя, я выиграю это дело! *(Он подошел к столику, на котором было вино и фужеры. Налил вина, поднял бокал...)* Обдумай все это, моя дорогая. А теперь я хотел бы выпить за успешную иллюзию, которую приготовила нам наша милая Грета.

ГРЕТА. Не надо, Петр Родионович!

ПЕТР *(он выпил).* Надо. Ведь ты обещала. Ты что-то готовила...

ГРЕТА. Это неважно.

ПЕТР. Важно! Иллюзии гораздо нравоучительнее, чем все наши реальные дела.

Грета помедлила и вошла в беседку. Повернулась лицом к зрителям и молча задвинула заранее приготовленную занавеску. Теперь Грету никто не видел.

И вдруг занавеска начала тлеть, дымиться, а затем в мгновение ока сгорела. А Грета исчезла.

СЕРЖ *(он заглянул в беседку).* Грета!... *(Потом он обернулся к остальным.)* Нет ее... Совершенно исчезла...

ПЕТР. Пью за то, чтобы она возникла из пепла, как птичка Феникс!

ЛУКАШОВ. Свят, свят, свят...

ПЕТР. Серж! Идем-ка в конюшню. Посмотрим лошадей. Нам завтра в Аркадию ехать.

СЕРЖ. Но как же...

ПЕТР *(он обнял Сержа).* Не волнуйся. Может, мы завтра нашу Грету встретим в Аркадии!

СЕРЖ. В Аркадии? У древних греков Аркадия... это, кажется, на мысе Пелопоннес... Там у них обитали боги...

ПЕТР. Насчет богов не знаю. А вот соблазнительных муз одесская Аркадия нам представит в избытке! *(К Лукашову.)* Идем, старичок!.. Взглянем на лошадей — не похожи ли они на аркадийских муз?

ЛУКАШОВ. Лошади, музы... Свят, свят, свят...

Они ушли. Мари и Ольга остались в саду одни.

— Но где же Грета?.. — спросила Ольга.

— Она уж где-то в доме. Я знаю этот ее фокус, — ответила Мари и села в шезлонг. — Какой тяжелый день. Пока ехали сюда, я ждала этого разговора. И боялась его.

— Милая, милая Мари... — Ольга на мгновение приникла к сестре. — Неужели Петр так и поступит, как говорил?.. Спор о завещании, нечистоплотные суды... Что это? Я в толк взять не могу! С тех пор как я начала что-то понимать, я всегда была при вас, мы жили заодно. А теперь не понимаю... Мама почти все завещала мне, и это очень тяжело. Я рассчитывала на вашу помощь. А Петр...

— Да он потрясен тем, что тебе досталось все! Правда, я верю в твое благоразумие. Но скажи мне: зачем тебе нужны такие большие деньги?

— Я хочу выкупить у тебя твою половину нашего женевского дома, — сказала Ольга. — Устроюсь в Женеве. Поступлю в университет. Ты обосновалась в Москве со своими интересами. А приедешь в Женеву — будешь жить у меня. Ведь и тебе сейчас нужны деньги.

— Да! Но меня ты не проведешь. Ведь твой господин писатель в про-

шлом врач. И насколько я понимаю, эту свою лучшую больницу ты хочешь построить для него?

— А что? Ты против?

— Я просто хочу уразуметь, на что ты рассчитываешь.

— Да ни на что я не рассчитываю!

— И все-таки я не понимаю: кем ты хочешь стать для своего господина писателя?

Ольга, в сильном волнении, которое она хотела не показывать, только и смогла вымолвить:

— Оставь, оставь...

— Верно говорит Петр: ты наивна, — она взяла со столика портсигар, достала тонкую "пахитоску", щелкнула зажигалкой, закурила и сказала довольно строго: — Но сейчас я тебе кое-что расскажу. Я уж два года в Москве. У меня салон. А уж о твоём господине писателе в моём салоне говорят чуть ли не каждый день. Он, может быть, и великий писатель, но зачем же тебе свою жизнь ломать?.. Он, оказывается, обладает притягательным обаянием. Обаяние его таково, что он многих женщин свел с ума. В Ялте за Антоном Чеховым бегают стаи девиц, которых все именуют Антоновками. Замужней Авиловой он объяснился в любви, но не в реальных, а только со сцены, в своей пьесе. Красавицу Лику Мизинову он довел до сумасшествия, до беременности от другого мужчины, а она до сих пор в господине писателе души не чает!

С каждой фразой сестры Ольга сникала, но потом вдруг выпрямилась и мягко потребовала:

— Я прошу тебя прекратить и понять: я просто его люблю, как Христос завещал любить. Но, конечно же, ты права... Я его все-таки люблю не-много больше, чем всех...

Мари, по своему образу жизни и складу характера одинокая и привязчивая, любила самозабвенно свою нареченную сводную сестру, но и завидовала и, странно, часто уступала ей, а теперь сказала:

— Но у тебя, кажется, сложились отношения с неким молодым человеком. Ты была увлечена.

Ольга взяла портсигар со столика, закурила и сказала:

— Он славный человек, но что поделать, если душа тянется к другому?

— Но тот, к кому тянется твоя душа, настолько болен, что дал слово матери и сестре, что никогда не женится.

— И что же? Зачем ты мне об этом?

— А затем, что он недавно женился.

Ольга была сбита с толку, удивлена, но понимала, что Мари говорит правду, и тихо спросила:

— Когда?

— Да в мае. Сейчас вспомню... Да, двадцать пятого.

— Но... он мне, кажется, писал в этот день. И ни слова ни о какой женитьбе. Правда, он просил писать ему на какую-то станцию Аксеново. И сообщал, что там он будет пить кумыс.

— Ну, разумеется. Он женился и по настоянию жены поехал пить кумыс! Видимо... это помогает!

— Ты говоришь сущую ерунду. Насколько я знаю, он так болен, что ему совершенно не до женщин, а особенно до женитьбы.

— Да. Но эта Ольга... она заставила его жениться.

— Ольга?

— Представь! Ее тоже зовут Ольга. Актриса. Немка. Она так поставила дело, так влюбила в себя несчастного и больного господина писателя, так его разнюнила, что он просто рассиропился! Немки, оказывается, это умеют.

— Откуда ты это все знаешь?

— Я попросила Сержа. И он все выведал.

— Как мне жаль А. П...

— Да и мне. Эта его... возлюбленная Ольга... все проделала тихо. Оглашения о венчании не было. Венчались на Плющихе, в Воздвиженской церкви. Шаферами были какие-то случайные люди. А в это время в ресторане собрались артисты, родственники и не знали, зачем их созвали на эту ассамблею, пока им не объявили, чтобы они ели-пили за здоровье новобрачных, которые в это время уж были на вокзале и ехали пить этот двусмысленный кумыс в Уфимскую губернию. И, главное, какая гадость... Влюбить в себя мужчину!.. Это, если сильно захотеть, ничего не стоит. Но... заняться таким удивительным писателем, неизлечимо больным, затащить его в постель, женить на себе... Да она же его в могилу сведет.

— Но он, видно, любит ее. Я его теперь достаточно знаю, чтобы понять это. А если любит, значит, хочет жить и, даст Бог, будет жить долго.

И тут обе женщины увидели Грету, которая выбежала в сад и позвала тихо:

— Петр, Петр Родионович!..

Петр, Лукашов и Серж появились в саду. А Грета бросилась к ним, причитая:

— Петр Родионович... ваша жена... Вероника лежит на полу... Она приняла все снотворное... все таблетки...

После этих слов все тут же бросились в дом.

7. Москва

Мать Чехова Евгения Яковлевна была в гостинной возле нарядной новогодней елки и говорила своей дочери Марии Павловне:

— Пора с этой красавицы наряды снимать. Уж и водосвятие минуло, а у этой елочки все платья как с иголочки.

— Она и до семнадцатого достоин, — сказала Мария Павловна.

— День рождения будем с елкой отмечать?

— И премьеру "Вишневого сада".

— Антон пьесу репетирует, а я сегодня репетирую свой Таганрогский пирог! — весело говорила мать, а дочь отвечала ей в тон:

— Ваша тайная начинка к пирогу, мама, готова. Кухарка приказаний ждет.

— Чашку чаю выпью и пойду приказывать.

Дочь уж наливала чай из самовара, а Евгения Яковлевна села за стол и продолжила:

— Вот, кажется, все у нас есть. И достаток, и платье, и нитки, и сахарница полна. И в Ялте кухарка. Карпа по-польски готовит! А тут, в Москве, у меня одно беспокойство.

Мария Павловна отвечала весело:

— Самовар не поет, сова не кричит — все приметы хороши, мама. О чем вам тревожиться?

— Как об чем? Об Ольге.

— О какой же Ольге, мама?

Евгения Яковлевна была удивлена:

— Как о какой?.. Да о жене Антона!

— А я думала, что вы об Ольге Васильевой вспомнили. Она в Москве, звонила, сегодня должна пожаловать.

— А мне Антон не сказал!

— Ему не до этого, вы же знаете. Каждый день на репетициях. Семнадцатого и премьера, и день рождения. А об этой Ольге он говорил, что у нее в Севастополе был какой-то "романчик".

— Знаю. Антон мне ее письмо читал. Может, и был романчик. Но это у нее, видно, от огорчения, что Антон женился.

— У таких девиц все "романчиками" и заканчивается.

— Да она не ела, не пила и, может, о смерти думала, когда узнала о женитьбе Антона! И он переживал. Она ведь в Ялте недалеко от нас жила, на даче Соколовой. Он к ней ходил, к нам приводил, кормил. Она девушка славная, я ее люблю.

— Тогда почему же вы беспокоитесь о своей невестке Ольге? Она замечательная актриса. Публика ее на руках носит. Антон в ней души не чает.

Этими словами дочери мать была обижена. Отодвинула от себя блюдце с чашкой и укоризненно воскликнула:

— Маша! Да у меня и у тебя одно и то же беспокойство! Разве не так? Они живут врозь! Она в Москве красуется, а он мучается в Крыму, в проклятой этой Ялте. По всем православным законам жена обязана прилепиться к мужу и жить им, его заботами, а уж если он в болезни, то рядом неусыпно должна быть. А что получается? Вот сейчас вы все вместе тут в Москве, на Петровке. Мне здешний дворник говорил: вашему сынку на третий этаж тяжело взбираться! На каждой площадке подолгу дух переводит. А доберется сюда — и весел, вида не подает ни тебе, ни жене. А где она сейчас? Каждый вечер с кем-то под ручку, на извозчика — и нет ее!

Ольга была удручена этим разговором, но все-таки попыталась объяснить:

— Но, мама, это Москва, она актриса, ей нужно бывать в обществе, на людях. Ты должна это понять.

— Никогда не пойму. Она его, как он есть, тихого и веселого, спроваживает с этого света.

— Да что вы говорите, мама! Вы знаете, что я тоже к тому, что происходит с Антошей, отношусь с болью в сердце. И не могу себя успокоить тем, что скажу: это просто жизнь. Но это жизнь. Такая она теперь.

В гостиную заглянул Антон и спросил:

— А как поживает наш Таганрогский пирог? Я и в кабинете слышу, как он просится на стол, а его не пускают.

— Бегу! Бегу ставить! — воскликнула, поднимаясь из-за стола, Евгения Яковлевна.

— А вот Маша и я поможем тебе бежать!

Она ушла.

— Это счастье, что у нас такая мать, — сказал господин писатель.

— Но есть одно большое несчастье, — ответила Мария Павловна. — И в том оно, что и у тебя, и у меня детей нет.

— Маша-Маша... Я сам об этом думал... Мне бы пожить хоть год с Ольгой... хоть в Ницце, спокойно, семейно. Забыть обо всем, путешествовать... — он вдруг улыбнулся. — Но у меня, кстати, на провсякий случай есть уж две дочери!

— Две?

— Ее высокоблагородие госпожа Васильева уж вторую дочь взяла на воспитание. Так что у нас с ней две дочки.

— Поздравляю!

— Счастливый отец умильно трет слезы на щеках!.. Но она молодец. Она из тех натур, что не успокаиваются никогда. И это удивительно. Это новое поколение, в которое только ленивый не бросает камни. А на ее примере понимаешь: нельзя людей мерить поколениями.

— Это, может быть, так. Но в случае с Оленькой Васильевой это не совсем так.

Он весело спросил:

— Но как вас понимать, сударыня?

— Она... Она ведь тебя безропотно и безумно любит.

Он молчал. Подошел к елке, качнул несколько игрушек, украшающих ее, раздался перезвон. Все так же молча Антон направился к двери, но вернулся и сказал сестре:

— Но ты ведь знаешь, я не могу ей ничем ответить... Хотя... Я могу ей ответить только одним. Сюжетом. Сюжетом для небольшого рассказа...

Он ушел. Мария Павловна собирала со стола. Вернувшаяся в гостиную Евгения Яковлевна с порога объявила:

— Таганрогский пирог в печи! — она опустилась в кресло.

Раздался переливчатый звон колокольчика. Мария Павловна встала, вышла и вернулась с гостьей, которую Евгения Яковлевна никак не могла узнать, всматривалась. Это была дама в собольей шубке, в шляпке, повязанной легким платком, с саквояжиком в руке... Дама, запинаясь, произнесла:

— Мария Павловна... Антон Павлович мне сказал, что сегодня весь вечер будет ждать меня.

— Я знаю.

— Вот... я и приехала... — она обняла Евгению Яковлевну, даже опустилась на пол и прильнула к ней. — Здравствуйте... Мне так радостно видеть вас. Да вы меня не узнаете!

— Оленька?! — удивилась Евгения Яковлевна. — Господи... Это не ты — хотя, это совсем ты!..

Они обнялись. Оля встала, сняла шубку, шляпку, бросила все это на диван, весело предстала перед Евгенией Яковлевной в модном кашемировом платье. Евгения Яковлевна любовалась ею.

— Ну... ты — вылитая я, если с меня сбросить годков сорок!

А Ольга, имея в виду и Марию Павловну, отвечала:

— Я только-только из Женевы. Дала телеграмму Антону Павловичу. Приехала. Позвонила. Он велел сегодня, этим вечером, непременно прийти сюда.

Мария Павловна прошла к окну и села на стул, села как-то подчеркнуто строго, прямо. Молчала и наблюдала. А тем временем Ольга из принесенного с собой саквояжика доставала свертки и говорила, и объясняла Евгению Яковлевне:

— Тут фартуки, как вы заказывали. Здесь тесьма. Можно и подолы подшивать. А это лен... Замечательный. Из Новгорода, но в Швейцарии он баснословно дешев. А это боа... меховое... вам, — она укутала Евгению Яковлевну подарком.

— Боа? — Евгения Яковлевна прошла к зеркалу.

— Вам идет. Тепло? — спросила Ольга.

— Да в нем я, как королева... Как это называется?

— Боа.

— Вот в нем бы мне в Таганроге появиться в твои годы! Да у нас бы жизнь иначе пошла!.. Да капитан, что на меня заглядывался, с ума бы сошел и со своих Босфоров ко мне бы сбежал.

Им было весело. Мария Павловна сидела по-прежнему строго и безучастно.

— Спасибо тебе, милая, и за ковер, что ты из Африки в Ялту прислала, — сказала Евгения Яковлевна Ольге. — Мы его постелили. Антон как был рад! И уютно, и тепло. Уж толстый! Уж теплый! Теперь-то понятно, почему в Африке так жарко, если у них там такие ковры!.. Одного не прощаю: ты в Севастополе была, а к нам в Ялту не приехала.

— Там было испытание воздушных шаров. Я летала на них, как и раньше над Парижем...

— Это что же? У тебя прямо на воздушном шаре и "романчик" случился?..

— Романчик, может быть, и был... Но, боюсь, он теперь превратился в маленькое произведение.

— А я тут вообще путешественницей стала. Из Ялты в Москву. Отсюда в Санкт-Петербург, к сынку... Все тебе велели кланяться. А ты меня забываешь. Совсем не пишешь. Антону пишешь, а для меня одни приветы. Ты не смотри, что я не пишу. Глазами слаба стала. И шить не могу. Хотя две машинки есть. Ты писала, что-то случилось с твоим братом?..

— С его женой... Умерла. Я ее так любила...

— Кого любим, тех первыми и теряем, — вздохнула Евгения Яковлевна.

Мария Павловна отчужденно спросила:

— Будет ли наша дорогая гостья чай пить?

— Будет! С удовольствием, — откликнулась Ольга. — На улице легкий морозец, тихо и даже празднично, как на сочельник.

— А вот у нас и елка есть... Можно свечечки зажечь, — предложила Евгения Яковлевна, достала из кармана передника спички, передала их Ольге, и та зажигала свечи и говорила:

— Я, когда поднималась к вам на третий этаж, еле дух переводила. Какие высокие этажи!

— Восемьдесят ступенек! — кивнула Евгения Яковлевна.

— А как же Антон Павлович?.. Ему, верно, тяжело сюда подниматься.

— Совсем не легко. С гостями приезжает, они уж тут, а он все еще на первом этаже!

— Давайте ему устроим сюрприз. К его дню рождения, к семнадцатому, устроим тут лифт.

— Это было бы кстати, — сказала Евгения Яковлевна. — Но сюрприза не получится. Он увидит. Да и разве успеть?

— Тогда можно к семнадцатому другую квартиру нанять, — сказала Ольга. — Тут рядом, на Неглинной, сдается квартира. Хоть в четвертом этаже, но есть лифт! Переехать, кое-какие вещи перевезти можно тайком от него. А семнадцатого — устроить сюрприз!

— Это не сюрприз, доченька, это счастье было бы для всех.

Мария Павловна встала и сухо сказала:

— Не знаю, как Ольга Леонардовна к этому сюрпризу отнесется, но сейчас, мама, действительно будет сюрприз, но не очень приятный. Ваш Таганрогский пирог, кажется, горит...

Евгения Яковлевна всплеснула руками и засемила следом за дочерью во внутренние покои дома.

Ольга осталась одна. Поставила заварочный чайничек на конфорку самовара, подошла к сияющей свечами елке. В гостиную вошел Чехов и, увидев Ольгу, сказал:

— Шел на запах пирога, но оказался на празднике привидений.

Ольга ответила ему в тон:

— И привидение готово поздороваться с вами и спросить: каково вам тут, в вашей реальности?

— В реальности? — подхватил он. — Не знаю, как во всеобщей реальности, но в моей реальности все благополучно.

— И что же происходит в такой благополучной вашей реальности?

— Стал академиком, и в России не находится такого дурака, который не пришел бы ко мне одолжить денег. Я тут же, правда, по другим причинам, отказался от звания академика, но очередь из желающих перехватить у меня пару сотен рублей не убывает. Мечтаю исчезнуть, уехать хоть

в достопамятную Ниццу или в Северную Италию, опробовать свои рыболовные снасти на загадочном озере Камо. А то склоняюсь к мысли о Швейцарии. Правда, боюсь не застать привидение в Женеве: а вдруг оно улетело в заоблачные выси на своем воздушном шаре?.. Ведь скучно сидеть у ворот на rue des Charmilles, за которыми живет это привидение.

Она, улыбаясь, ответила:

— У ворот вы не остались бы долго в одиночестве. Потому что из дома вышло бы привидение, которое вас отчаянно любит, и опутало бы вас своими колдовскими сетями.

Он воскликнул:

— Привидение! А где же обещанные фотографии моих дочерей?

Ольга из саквояжика достала конверт, из него фотографии:

— Вот. Самые симпатичные дщери господина писателя и привидения из Швейцарии.

— Прелестные дитяти, — он рассматривал фотографии. — Катю я никогда не видел, но сразу понятно: она унаследовала от папаши вежливость и упрямство. А Маруся... Она и на фотографии немногословна и последовательна. Вся в мать.

— Если так, то и почтенная мамаша имеет право прямо спросить: что, в конце концов, говорят врачи о здоровье драгоценного папаши двух таких чудных малюток?

— О, врачи много говорят! Просто без умолку и наперебой. Московский герр профессор Остроумов категорически запретил подопытному жить зимой в Ялте, ибо предпочтительнее Москва. А ялтинский специалист доктор Альтшуллер запретил упомянутому подопытному уезжать из Ялты, особенно в Москву!

— А что же сам подопытный?

— Ему остается лишь сокрушаться: зачем он четыре года жил зимой в Ялте, когда можно более спокойно и комфортабельнее стать привидением и в зимней Москве!

— Вы играете с огнем.

— Да. Золотые слова. Поэтому я то разъезжаю по московской округе, выискивая тут подходящее для себя жилье, то перекладываю печи в Ялте и везу туда новомодный шкаф глазастого стиля.

— Я прочитала ваш "Вишневы сад". Нет, не прочитала, а нырнула в него и чуть не задохнулась. Было неловко и досадно за самоё себя. Но весьма интересно: кто будет играть меня, то есть Аню, в вашей пьесе?

— Лилина.

— Но... ей ведь, кажется, около сорока.

— Вы ей понравились. Она уже жить не может без вашего образа. Расспрашивает меня, когда вы встаете, как одеваетесь и что у вас на самом деле на уме.

— И что же у меня на самом деле на уме?

— Сие, по-видимому, тайна за семью печатями. Я говорю Станиславскому, что в вашей роли главное — молодость. Но... это театр! И у них теперь появилась сверхзадача: как актрисе Лилиной создать перед публикой иллюзию, что ей не под сорок, а семнадцать! Это театр. Борьба с ним у меня нет никаких сил.

— А кто Раневская?

— Тут я должен раскланяться и сказать: это моя супружница Ольга Леонардовна.

— Распрекрасно. Меня играет пожилая жена Станиславского Лилина, а мою мать, Раневскую, молодая жена автора пьесы Чехова. Просто водевиль. Но я верю: вы не соглашались, боролись, доказывали, убеждали...

— И все впустую! Логика театра — это воистину логика потусторонних сил, — после паузы он тихо спросил: — Как вы?

— От жизни не улетишь на воздушном шаре, — ответила она. — Мой воздухоплаватель... Он милый, прекрасный человек. Но когда я еду куда-нибудь без него, одна, я реву. Я схожу с колеи... Разве можно жить с человеком, когда есть другой человек, без которого ты как без сердца. Как это могут попускать небеса... За что наказание, если вины за мной нет? Я даже ищу свою вину и не нахожу. Но, верно, она есть... — она улыбнулась, взяла себя в руки и сказала: — Вы скоро именинник. Что вам подарить?

— Все, что сами хотите, — ответил господин писатель.

— Ну, тогда... — она вышла в центр гостиной. — Я хочу пригласить вас в свой вишневый сад. Жизнь и так грустна, и если относиться к ней рассеянно, как героиня вашей пьесы Раневская, это значит быть в бесконечной печали. Жаль, что свои истины вы поручили провозглашать лицедеям. В отличие от вашей Раневской, я свой сад под топор не отдам, продавать не буду. Деньги на больницу найдем как-нибудь иначе. Но я не стану надеяться, что сад пощадят люди и время. Попытаюсь сохранить его сама, пока станет сил. Забудьте о морозной Москве, о ваших страхах перед премьерой. Вам не занимать воображения и вам ничего не стоит попасть в свое время года... когда ваш сад цветет, ветер с моря возносит его запахи над городом, и в такую пору каждый будто знает свою вину... ту самую вину, из-за которой так тревожится душа.

* * *

Автор этой истории вместе с ними увидел этот сон: распахнулись хляби земные, и меж темных стволов под цветущими купинами вишневого сада появились Петр, Вероника, Серж, Мари... Грустная Грета взорвала хлопушку с конфетти, и тут же Мария Павловна выкатила кресло, в котором восседала Евгения Яковлевна, а в руках ее было блюдо с Таганрогским пирогом... Автор этой истории забыл о старом дворцеком Лукашове, но появился и он, выводя под уздцы в цветущий сад лошадь — завтра, может быть, предстоит поездка в Аркадию... Бродячие музыканты исполняли грустную мелодию, а девочка в трико крутила свое бесконечное колесо. И потом послышался голос Евгении Яковлевны, произносящей слова молитвы: "Отче наш... Иже еси на небесех, да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя на земли якоже и на небеси..."

